

ФОНЕТИКА, ФОНОЛОГИЯ, ОРФОЭПИЯ

УДК 81'34+811.161.1

Андронов Алексей Викторович

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
baltistica@gmail.com

«Разгубленность» против огубленности*

Для цитирования: Андронов А. В. «Разгубленность» против огубленности. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2020, 17 (4): 543–556.
<https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.403>

Статья посвящена вопросу установления классификационных признаков фонем. В отличие от фонетических характеристик реализаций фонемы, исследуемых инструментально, фонологические признаки определяются путём** функционального анализа: будучи строительным материалом для экспонентов морфем, фонемы группируются в соответствии с общностью «поведения» в морфонологии. Проблематика фонологических признаков иллюстрируется анализом вокалических систем русского, латышского и финского языков. Традиционное выделение в них признака огубленности гласных не имеет функциональных оснований (является некорректным использованием артикуляционной характеристики в качестве фонологического признака), однако помимо признаков ряда и подъёма в рассматриваемых системах выявляется третий признак, обозначенный термином «разгубленность» (ввиду общности артикуляции, связанной с растяжением уголков губ в стороны). В русском языке разгубленные фонемы /e/, /i/, /ы/ объединяет чувствительность к коррелятивному признаку мягкости-твёрдости предшествующего согласного (проявляющаяся, в частности, как историческое чередование). Неразгубленные фонемы /a/, /o/, /u/ к мягкости-твёрдости предшествующего согласного безразличны. Таким образом, фонема /a/ входит в одну группу не с /e/, /i/ и /ы/ («неогубленные» в традиционных моделях), а с /o/ и /u/ (вместе с тем отдельной группы «огубленных» фонемы /o/ и /u/ не образуют). В латышском языке класс разгубленных фонем /i/, /e/, /ī/, /ē/, /ie/ выделяется на основании определяемого ими выбора узких гласных /e/ или /ē/, а не широких /e/, /ē/ в предшествующем слоге. Целесообразно, таким образом, дифференцировать гласные внутри переднего ряда (по разгубленности), а не внутри непереднего (по огубленности). В финском языке выделение разгубленных фонем /i/ и /e/ основывается на их отношении к фундаментальной характеристике экспонента словоформы — гармонии гласных: они сами не участвуют

* В основе статьи лежит доклад, прочитанный на XLIII Международной филологической конференции в СПбГУ 13 марта 2014 г. (электронная публикация тезисов: http://www.conference-spbu.ru/files/local/CMS_File/h0000/1178/1178.pdf).

** Известно, что Людмила Алексеевна Вербицкая была сторонником употребления буквы «ё». Об этом она не раз говорила в интервью и на заседаниях Межведомственной комиссии по русскому языку, буква «ё» последовательно используется в книге воспоминаний «Мой Петербург» (СПб.: Logos, 2006). С уважением относясь к мнению Людмилы Алексеевны, редакция выпуска сохраняет употребление «ё» в данной статье по просьбе автора.

в сингармонистическом «чередовании», а переднюю огласовку аффиксов определяют лишь в отсутствие других — неразгубленных — фонем.

Ключевые слова: фонологические признаки, системы гласных, русский язык, латышский язык, финский язык.

Большинство описаний вокалической системы русского языка строится на основании трёх фонологических признаков: ряда, подъёма и огубленности. Как являются эти фонологические признаки?

Несмотря на пессимистическое замечание В. Б. Касевича о том, что процедура выделения фонологических признаков отсутствует [Касевич 2018: 4], в его же работах проблематика установления фонологических признаков рассмотрена весьма подробно [Касевич 1983: 78–99]. Ясно, что — в отличие от фонетических характеристик реализаций фонемы, исследуемых инструментально, — фонологические признаки определяются путём функционального анализа: общим признаком объединяются фонемы, одинаково проявляющие себя в морфонологии (в частности, и в первую очередь, при алломорфическом варьировании — чередовании)¹. Именно сходство является основой классификации фонем: противопоставление устанавливает число единиц, а сходство определяет их группировку². Так, наличие шести квазиомонимов: *им* (форма местоимения), *эм* (название буквы), *ам* (детское слово: «ам — и съел»), *ом* (физическая единица), *ум*, *ым* (окончание имени или глагола) демонстрирует шестичленную систему русского вокализма³, а общность морфонологических свойств выявляет группировку по ряду (в связи с мягкостью предшествующего согласного) и подъёму (в связи с чередованием в безударном положении).

На основании двух названных признаков (ряда и подъёма) гласные русского языка разными исследователями организуются в систему по-разному. Это зависит, в частности, от оперирования двоичными или троичными признаками (выделения среднего ряда и среднего подъёма), а также от ориентации на фонетические характеристики реализаций в большей степени, чем на функциональные свойства фонем. Общей чертой подавляющего большинства описаний русского вокализма является выделение класса огубленных фонем /u/ и /o/ (см. [Аванесов, Сидоров 1945: 22; Щерба, Матусевич 1952: 53; Аванесов 1956: 88; Панов 1967: 73; Буланин 1970: 41; Бондарко 1998: 25; Кодзасов, Кривнова 2001: 363–364; Касаткин 2003: 34–35; Князев, Пожарицкая 2011: 51; Попов 2014: 69]; и др.). К сожалению, во многих случаях трудно быть уверенным, что авторы описывают именно фонологические признаки гласных фонем, а не артикуляционные характеристики гласных звуков.

¹ Определённое значение имеет и структура фонологического слога, понимаемого как модель синтагматической организации фонемной цепи (ср. описание принципов классификации литовских согласных у А. Гирдяниса [Гирдянис 2014: 131–142; Girdeinis 1970/2000]), а также фонотактика в целом. Однако сами по себе сочетаемостные свойства фонем не являются функциональными, поскольку не обращают внимания на связь фонологического компонента с морфонологическим, то есть не учитывают основную функцию фонемы.

² В соответствии с этим следует различать два аспекта фонологического признака: дифференциальный (чем и от каких фонем данная фонема отличается) и интегральный (чем и с какими фонемами она схожа) — ср. критику традиционных понятий дифференциального и интегрального признака [Андронов 2013].

³ В вопросе о фонемном статусе /ы/ мы следуем аргументации Щербовской фонологической школы (см. [Попов 2004: 72–93] и др.).

Фонологический статус признака огубленности в разных описаниях различен.

Известна модель Н. С. Трубецкого, использующая признак огубленности **вместо** признака ряда (то есть как дифференциальный), но мотивированная исключительно фонетическими соображениями: «В русском языке более переднее или более заднее положение языка при реализации гласной фонемы обусловлено звуковым окружением» [Трубецкой 1939/1960: 113]; критику см. у М. Б. Попова [Попов 2014: 66–69]. Эта модель отражает пятичленную систему русского вокализма (без фонемы /ы/) и используется в основном московскими исследователями, напр., Р. И. Аванесовым [Аванесов 1956: 88], М. В. Пановым [Панов 1967: 73], Т. П. Ломтевым [Ломтев 1972: 28], Г. М. Богомазовым [Богомазов 2001: 133], представлена в академической «Краткой русской грамматике» [Белоусов и др. 2002: 32] и др. — см. таблицу 1.

Таблица 1. Русский вокализм (традиционная модель 1)

	Неогубленные	Огубленные
Верхний	i	u
Средний	e	o
Нижний	a	

Во многих описаниях огубленность трактуется как **«интегральный признак»**, не требующийся для однозначной идентификации фонем в системе: достаточно трёхзначных признаков подъёма и ряда, см. таблицу 2 (ср. [Касаткин 2003: 35]; из работ общего характера, напр., [Лопатин, Улуханов 2006: 451]). Главной проблемой таких описаний является **функциональное** обоснование трёхчленности признака ряда (ср. споры о фонетических понятиях среднего и смешанного ряда, ряде русского *a* — [Буланин 1970: 43–44]).

Таблица 2. Русский вокализм (традиционная модель 2)

	Передний	Средний	Задний
	Неогубленные		Огубленные
Верхний	i	ы	u
Средний	e		o
Нижний		a	

В работах представителей Щербовской фонологической школы для дифференциации гласных верхнего подъёма используется пересечение **двузначных** признаков ряда и огубленности — см. таблицу 3 (ср. [Щерба, Матусевич 1952: 53; Буланин 1970: 41; Попов 2004: 105; Попов 2014: 69]). В случае противопоставления по ряду бинарность признака вытекает из функционального критерия — наличия или отсутствия связи гласного с признаком мягкости предшествующего согласного (ср. [Буланин 1970: 49–50]). В случае огубленности, однако, функционального обоснования объявления именно этого признака различающим /ы/ и /u/ не приводится.

Наличие **фонологического** признака огубленности может быть оправдано лишь указанием на общие функциональные свойства «огубленных» фонем /u/ и /o/, отличающие их от всех «неогубленных», однако такие свойства (для современного русского языка), кажется, отсутствуют⁴. В данном случае очевидным образом происходит использование артикуляционной характеристики в качестве фонологического признака.

Таблица 3. Русский вокализм (традиционная модель 3)

	Передний	Непередний	
		Неогубленные	Огубленные
Верхний	i	ы	u
Средний	e		o
Нижний		a	

В принципе, такой перенос артикуляционно (или акустически) выявляемой характеристики в область фонологии допустим для классификации фонем при отсутствии иных (собственно функциональных) аргументов — ср. у В. Б. Касевича:

Строго функциональному сведению в классы для выявления различительных признаков поддаются не все фонемы. Поэтому и здесь анализ распадается на два этапа. Сначала определяются все различительные признаки, которые могут быть установлены с опорой на морфологизованные чередования фонем. Так определенный набор признаков служит стержнем системы дифференциальных признаков. И далее: во-первых, признаки могут переноситься на другие фонемы; так, в английском языке из чередования /t/ ~ /d/ (*dogged* /dɔgd/ ~ *docked* /dɔkt/) выводится признак «звонкость/глухость», который переносится по аналогии и на пары /p/ ~ /b/, /k/ ~ /g/; во-вторых, используя своего рода принцип остаточной выделяемости, мы дополняем до целого наборы признаков фонем, а отсюда и всей системы [Касевич 1983: 85].

Однако в анализируемой трактовке огубленности ситуация иная: отсутствуют сами функциональные основания для постулирования этого признака, которые ввели бы его в систему, после чего был бы возможен его перенос по аналогии на основании артикуляционно-акустических характеристик.

Представляется, что выделение признака огубленности гласных во многих языках следует считать реликтом дофонологического описания, при котором произошла подмена функционального анализа собственно фонетическим. Благодаря своей заметности сопровождающая реализацию [u] и [o] артикуляция, связанная с округлением губ, была отмечена уже в античных грамматиках греческого и латинского языков [Гордина 2006: 16, 18]. Их авторитет спровоцировал некритическую квалификацию фонетических характеристик как фонологических признаков или перенос фонологических признаков одного языка в систему другого. Подобная практика — нередкое явление (ср. навязывание латинской падежной системы

⁴ Наличие двух «огубленных» фонем, конечно, не принципиально: теоретически такая фонема могла бы быть и одна — главное, чтобы она функционально отличалась от всех неогубленных.

в первых грамматиках европейских языков и др.), о возможном отрицательном влиянии традиции красноречиво предупреждал А. В. Исаченко:

Раз мы не располагаем оракулом, могущим ответить, соответствует ли та или иная гипотеза или теория «реальной картине языка» или не соответствует, то ответ на наши вопросы можно ожидать только от двух инстанций: от интуиции и от проверки теории практикой. Интуицию нельзя полностью исключить. Она является помощником каждого исследователя в поисках правильного пути. <...> Языковую интуицию, однако, не следует смешивать с традиционными лингвистическими навыками, т. е. с не всегда осознанным воздействием (пусть «отстоявшейся» и «общепринятой», но все же далеко не интуитивной) лингвистической теории. <...> Правильность или несостоятельность любой лингвистической теории может быть проверена или опровергнута лишь практикой дальнейшей исследовательской работы. <...> Единственный путь, ведущий нас к раскрытию «языковой реальности», — это путь научного анализа [Исаченко 1963: 44].

Функциональный анализ приводит к выделению в русском вокализме другой группы фонем, состоящей из /e/, /i/ и /ы/. Свойством, объединяющим эти фонемы и противопоставляющим их остальным (/a/, /o/, /u/), является уже упомянутая связь с мягкостью предшествующего согласного. Можно сказать, что гласные /e/, /i/, /ы/ **чувствительны** к мягкости-твёрдости предшествующего согласного, в то время как гласные /a/, /o/, /u/ к ней безразличны (могут стоять и после мягкого, и после твёрдого согласного). Известно, что в современном русском языке гласный /e/ также широко встречается после твёрдых согласных [Попов 2014: 105–106; Попов 2004: 130–132]. Однако главным основанием группировки фонем является не сочетаемость (фонотактика), а чередования. Именно через чередования функциональную особенность гласных переднего ряда определял Л. Л. Буланин (называя её, правда, сочетаемостной):

...В противопоставлении гласных переднего и непереднего рядов отражается принципиальное различие их сочетаемостных свойств. Гласные переднего ряда э и и обладают общим отрицательным сочетаемостным признаком: они не могут стоять после парных твёрдых согласных... в **формообразующих аффиксах склонения и спряжения** (выделено мною. — А. А.). В этом положении парные твердые чередуются с соответствующими мягкими. Например: /б'ир'ý/ — /бир'ý'/, /рукá/ — /рук'и/, /пал'бá/ — /пал'б'э/⁵. Гласные непереднего ряда не составляют единства по своим свойствам. Так, перед *ы* могут стоять только твёрдые согласные, а перед *а, о, у* твёрдые и мягкие различаются... Таким образом, ряд гласных оказывается связанным, с одной стороны, с важнейшим системным противопоставлением согласных по твёрдости-мягкости, а с другой стороны, с пограничными особенностями грамматических морфем русского языка. Лингвистическое содержание признака ряда никак не исчерпывается его артикуляционной стороной [Буланин 1970: 49–50].

Сформулированная выше общая особенность гласных /e/, /i/, /ы/ — «чувствительность» к мягкости предшествующего согласного — проявляется в современном русском языке как историческое чередование. Таким образом, названные фонемы имеют функциональное основание для объединения общим фонологическим

⁵ Угловые скобки фонологической транскрипции, использованные Л. Л. Буланиным, заменены на более привычные теперь косые.

признаком. В соответствии с признаком ряда данная группа далее разбивается на две подгруппы: фонемы переднего ряда /e/ и /i/ в указанной морфологической позиции (на границе основы с суффиксом или окончанием) следуют **только после мягких** согласных, а фонема непереднего ряда /ы/ следует **только после твёрдых** согласных.

Далее встаёт вопрос о термине для фонологического признака, объединяющего /e/, /i/, /ы/. Наименования признаков, разумеется, условны (ср. [Касевич 2011: 44]), но для их выбора широко используются названия типичных фонетических (обычно артикуляционных) характеристик их коррелятов. Фонемы /e/, /i/, /ы/ с артикуляционной точки зрения действительно обладают общей характеристикой: при их реализации уголки губ растягиваются в стороны. Согласно «Словарю славянской лингвистической терминологии», общепринятый русскоязычный термин для соответствующей артикуляции отсутствует, она обозначена как «горизонтальное расширение ротового раствора» (ср. англ. «lip-spreading», фр. «rétraction des lèvres», нем. «spaltförmige Lippenöffnung») [SSLT 1977: 80–81]. Рассматривая основные параметры, характеризующие губные артикуляции, С. В. Кодзасов и О. Ф. Кривнова пишут:

...Может происходить *округление* (англ. rounding) ротового отверстия, что противопоставлено его *растягиванию* (англ. spreading) по горизонтали. Обычно эти движения скоррелированы с разными значениями другого артикуляционного параметра — с *вытягиванием* губ вперёд (англ. protrusion) и их *оттягиванием* назад (англ. retraction) [Кодзасов, Кривнова 2001: 48–49].

Традиционное понятие огубленности, действительно, предполагает одновременное округление и вытягивание губ. В свою очередь, артикуляция, свойственная реализациям фонем /e/, /i/, /ы/, характеризуется, наоборот, растягиванием губ по горизонтали и оттягиванием их назад, являясь, таким образом, противоположной артикуляции огубленности. Представляется естественным, чтобы термин, характеризующий эту артикуляцию и соответствующий фонологический признак, также был противоположен термину «огубленность». В связи с работой над русским изданием книги П. Гарда «Ударение» в качестве перевода французского «rétractée» я предложил термин «разгубленные», герср. «разгубленность» [Гард 2015: 7, 77], основываясь на антонимии приставок *о-* и *раз-* (ср. *одеть* — *раздеть*)⁶.

Система русского вокализма с учётом предлагаемой модификации фонологических признаков гласных (использование признака разгубленности /e/, /i/, /ы/ вместо признака огубленности /u/ и /o/) представлена в таблице 4. Существенной чертой является объединение фонемы /a/ в одну группу с /u/ и /o/, а не с /e/, /i/ и /ы/, как в традиционных моделях.

Данная классификация, как и большинство имеющихся, требует ещё функционального обоснования трёхчленности признака подъёма или замены его парой иерархически организованных бинарных признаков, однако рассмотрение этого вопроса не входит в задачи настоящей работы. Предварительно следует отметить, что отнесение к среднему подъёму фонем /e/ и /o/, но не /a/ (ср. трактовку М. Б. Попова

⁶ Латиноязычным соответствием термина «огубленность» является «лабиализация». Построить латиноязычное соответствие для «разгубленности» не получается; термин «делабиализация» закреплён за обозначением лишь отсутствия лабиализации (напр., в отношении [ш], [л] по сравнению с [у], [о] в Международном фонетическом алфавите), без растягивания губ в стороны.

Таблица 4. Русский вокализм (новая модель)

	Передний	Непередний	
	Разгубленные		Неразгубленные
Верхний	i	ы	и
Средний	e		о
Нижний			а

[Попов 2004: 105], различающего два подъёма: верхний и неверхний) основано на общем свойстве первых: /e/ и /o/ не могут сохраниться при переходе ударения на другой слог (/d'él'a/ ~ /d'ilá/, /gó'gy/ ~ /garý/, /s'ól'a/ ~ /s'ilá), а ударное /a/ при утрате ударения сохраняется (после твёрдых согласных: /tráv'ý/ ~ /travý/), чередуясь только после мягких (/m'á'c' ~ /m'ic'á/), причём с определёнными морфологическими ограничениями (ср. спор о фонологической интерпретации безударного гласного в окончании слов типа *няня*: /n'án'a/ или /n'áni/ [Попов 2014: 172–174]; ср. также формулировку М. Б. Попова по поводу связи /o/ с ударением: «...важна не безударность как фонетическая обусловленность, а чередование как обусловленность морфологическая» [Попов 2004: 135]).

* * *

Выделение класса разгубленных фонем целесообразно и при описании вокалических систем других языков.

В латышском языке система гласных строится на признаках ряда, подъёма и долготы, однако большинство описаний, отдавая дань артикуляционным характеристикам, включают также и признак огубленности [Ahero et al. 1959: 21–22; Strautiņa, Šulce 2004: 24–25; Auziņa et al. 2013: 41, 42, 43⁷] — см. таблицу 5⁸.

Признак огубленности, говоря о системе гласных фонем, не использует автор вузовского учебника латышской фонетики А. Лауа (ср. также [Сталтмане 2006: 158]):

Гласные латышского языка фонематически противопоставляются по трём главным признакам:

- 1) по ряду, т. е. движениям языка в горизонтальном направлении,
- 2) по степени подъёма языка, т. е. движениям в вертикальном направлении,
- 3) по количеству: краткие и длинные гласные фонемы [Laua 1997: 23].

⁷ Последняя академическая грамматика (автор раздела Ю. Григорьевс) очевидным образом отказывает функциональной классификации гласных в самостоятельном статусе, ср. названия таблиц «Фонологическая классификация гласных латышского языка по артикуляционным дифференциальным признакам» [Auziņa et al. 2013: 42] и «Фонологическая классификация гласных латышского языка по акустическим дифференциальным признакам» [Auziņa et al. 2013: 43].

⁸ Латышские примеры и отдельные фонемы даются в традиционной для латышского языкознания транскрипции (в частности, долгота обозначена горизонтальной чертой над гласным). В следовании национальным традициям при фонологической транскрипции косвенно отражается индивидуальность фонологии (изучающей конкретную языковую систему), противопоставляющаяся универсальности собственно фонетических описаний, использующих Международный фонетический алфавит для возможно более точной передачи звучания, независимо от языка.

Таблица 5. Латышский вокализм (традиционная модель)

	Передний		Средний		Задний	
	Неогубленные				Огубленные	
	Краткие	Долгие	Краткие	Долгие	Краткие	Долгие
Верхний	i	ī			u	ū
Переменный ⁹		ie				uo
Средний	e	ē			o	ō
Нижний	ɛ	ĕ	a	ā		

Так же поступает Л. Муйжниесе, ср. её указание: «При идентификации гласного обычно описывают положение языка в ротовой полости, а позицию губ упоминают лишь в том случае, если она имеет фонематическую функцию (напр., в нем. /i/, /ü/, /u/¹⁰)» [Muižniece 2002: 16].

Вместе с тем в латышской фонетике существует традиционное понятие «сужающих звуков» («šaurinātājas skaņas» [Laua 1997: 115]) — гласных и согласных фонем, определяющих выбор узкого гласного переднего ряда в предшествующем слоге. В истории латышского языка межслоговое взаимодействие фонем (регрессивная ассимиляция) привело к дифференциации узких /e/, /ĕ/ и широких /ɛ/, /ĕ/, выбор которых теперь определяется морфонологическими правилами (см. [Андронов 2002: 376–379]). К сужающим гласным относятся /i/, /e/ (в том числе и в составе дифтонга /ei/), /ī/, /ē/ и /ie/: выбор узких /e/, /ĕ/ в предшествующем слоге внутри основы¹¹ исконно латышских слов определяется ими с минимальными морфологически обусловленными ограничениями; прочие гласные аналогично определяют выбор широких /ɛ/, /ĕ/, ср.: *devējs* ‘тот, кто даёт’, но *dēvums* ‘вклад’, *vērība* ‘внимание’, но *vēruot* ‘наблюдать’. Таким образом, налицо морфонологическая особенность, объединяющая гласные /i/, /e/, /ī/, /ē/, /ie/. Термин для обозначения фонологического признака этих гласных может основываться на уже отмеченной применительно к русскому языку артикуляционной характеристике — растягиванию губ в стороны. Итак, функционально обусловленная классификация латышских гласных принимает следующий вид (см. табл. 6).

Обратим внимание, что в выделении среднего ряда (для фонем /a/, /ā/) нет необходимости: эти фонемы не имеют каких-либо функциональных особенностей, которые давали бы основание отделять их от гласных переднего ряда; соответственно, нет оснований и для выделения в фонологии группы огубленных гласных (/u/, /ū/, /uo/, /o/, /ō/).

⁹ Латышские полифтонги *ie* и *uo* следует считать монофонемами: помимо аргументации, обобщённой Д. Маркус ([Markus 2000: 139–142]; ср. также её замечательное наблюдение относительно детской языковой игры: [Маркус, Гирденис 2011]), внутри полифтонгов невозможно найти морфонологическую границу. Мнение о монофонематичности латышского *ie*, как известно, высказывал ещё Л. В. Щерба [Щерба 1912: 14].

¹⁰ Заметим, что само по себе наличие перечисленных фонем ещё не даёт функциональных оснований для выделения признака огубленности в немецком языке, ведь умлаутному чередованию подвержены не только огубленные, но все гласные заднего ряда, в том числе неогубленные /a/ и /a:/, чередующиеся с /ä/ и /ä:/; ср. ниже о финском.

¹¹ На стыке основы и окончания произошли значительные аналогические выравнивания.

Таблица 6. Латышский вокализм (новая модель)

	Передний				Непередний	
	Разгубленные		Неразгубленные			
	Краткие	Долгие	Краткие	Долгие	Краткие	Долгие
Верхний	i	ī			u	ū
Переменный		ie				uo
Средний	e	ē			o	ō
Нижний			ɛ	ē	a	ā

Система **финского вокализма** обычно также описывается с использованием признака огубленности [Беляков и др. 1958: 9; Елисеев 1993: 91; Vilkuna et al. 2004: 37–38 (§ 2)] — см. таблицу 7¹².

Таблица 7. Финский вокализм (традиционная модель)

	Передние		Задние	
	Неогубленные	Огубленные	Неогубленные	Огубленные
Верхний	i	y		u
Средний	e	ö		o
Нижний	ä		a	

Казалось бы, огубленность занимает в этой системе одно из центральных мест, однако (как уже было отмечено в отношении немецкого — см. сноску 10), функциональные основания для выделения данного признака необходимо эксплицитировать. Противопоставления /i/ : /y/, /e/ : /ö/ демонстрируют лишь самостоятельный статус соответствующих фонем, но ничего не говорят о фонологическом признаке, ответственном за это различие. Для постулирования фонологического признака необходимо выявление функциональной общности тех или иных групп фонем. Такую общность финских /y/, /u/, /ö/, /o/, отличающую их от оставшихся «неогубленных» гласных нижнего подъёма /ä/, /a/, можно было бы усмотреть в некоторых чередованиях (см. [Vilkuna et al. 2004: 75–76 (§ 46)])¹³, однако в целом вопрос о функциональной нагрузке огубленности в финском языке требует специального рассмотрения.

Функциональный анализ финского вокализма, предложенный П. Гардом [Garde 1968: 62–66; Гард 2015: 77–80], основывается на фундаментальной характеристике финской словоформы — гармонии гласных: в отношении сингармонизма все гласные (независимо от огубленности) делятся на передние и задние (непередние), причём особыми функциональными свойствами характеризуются /i/ и /e/,

¹² При рассмотрении финского языка мы отвлекаемся от вопроса о статусе долгих гласных (самостоятельные фонемы или сочетания кратких фонем) — решение его не влияет на конфигурацию рассматриваемых фонологических признаков; в таблице долгие гласные не показаны (как это практикуется во многих описаниях).

¹³ Благодарю Г. В. Гордиенко, указавшую мне на данную морфонологическую черту.

иногда называемые нейтральными (Vilkuna et al. 2004: 49 (§ 15))¹⁴. Во-первых, парадигматически, в отличие от прочих гласных, сами они не участвуют в сингармонистическом «чередовании». Во-вторых, синтагматически, они особым образом связаны с правилом выбора передней или задней огласовки аффиксов¹⁵: если прочие гласные определяют огласовку аффикса однозначно (ср. формы инессива: *talo* ‘здание’ — *talossa*, *kylä* ‘деревня’ — *kylässä*), то /i/ и /e/ определяют её лишь в отсутствие других гласных: *kivi* ‘камень’ — *kivissä* (но *meno* ‘движение’ — *menossa*, *lumi* ‘снег’ — *lumessa*); кроме того, имеются аффиксы, которые не подчиняются их гармоническому влиянию: *pehmeys* ‘мягкость’ — *pehmoinen* ‘мягкий’ (сохраняется задний ряд аффикса; ср. передний ряд при иных гласных в корне: *tämä* ‘этот’ — *tämmöinen* ‘такой’). Функционально выделяемые гласные /i/ и /e/ могут быть названы разгубленными ввиду всё той же артикуляционной характеристики. Система финских гласных фонем по П. Гарду [Garde 1968: 62; Гард 2015: 77] представлена в таблице 8.

Таблица 8. Финский вокализм (новая модель)

	Передние		Непередние
	Разгубленные	Неразгубленные	
Верхний	i	y	u
Средний	e	ö	o
Нижний		ä	a

* * *

Предложенный анализ вокалических систем трёх существенно различных языков — русского, латышского и финского — вскрыл наличие функциональных оснований для выделения в них не традиционного класса огубленных фонем, а, напротив, класса фонем разгубленных. Важно, что данная группа фонем в каждом языке была выделена на основе их функциональных особенностей, а имеющаяся общая фонетическая характеристика понадобилась лишь для создания термина.

Имеет смысл проверить (и, возможно, подвергнуть аналогичной ревизии) описания фонологических систем и других языков. Необходимо в принципе следить за тем, чтобы при анализе фонологии артикуляционные характеристики не подавляли функциональные признаки.

Словари

SSLT 1977 — *Slovník slovanské lingvistické terminologie. Словарь славянской лингвистической терминологии. Dictionary of Slavonic linguistic terminology*. Sv. 1. Praha: Academia, 1977. XXXVIII + 553 s.

Литература

Аванесов, Сидоров 1945 — Аванесов Р.И., Сидоров В.Н. *Очерк грамматики русского литературного языка. Ч. I: Фонетика и морфология*. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во наркомпроса РСФСР, 1945. 236 с.

¹⁴ Именно модель П. Гарда послужила в своё время толчком для обоснованной выше оптимизации фонологических признаков, организующих систему русского вокализма.

¹⁵ Использованы примеры, предложенные П. Гардом [Garde 1968: 63–64; Гард 2015: 78–79].

- Аванесов 1956 — Аванесов Р.И. *Фонетика современного русского литературного языка*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. 240 с.
- Андронов 2002 — Андронов А.В. Грамматический очерк латышского языка. В кн.: Андронов А.В. *Материалы для латышско-русского словаря*. СПб.: Филол. фак. С.-Петербург. ун-та, 2002. С. 323–402.
- Андронов 2013 — Андронов А.В. О понятии интегрального признака в фонологии. В кн.: *Конференция, посвящённая 150-летию кафедры общего языкознания. 4–7 сентября 2013 года*. Тезисы. Санкт-Петербургский государственный университет. СПб., 2013. С. 11–13. <http://genling150.phil.spbu.ru/tezisy-konferencii> (дата обращения: 25.05.2020).
- Белоусов и др. 2002 — Белоусов В.Н., Ковтунова И.И., Кручинина И.Н. и др. *Краткая русская грамматика*. М.: Институт русского языка, 2002. 726 с.
- Беляков и др. 1958 — Беляков А.А., Богданов Н.И., Дубровина З.М. *Грамматика финского языка. Фонетика и морфология*. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. 296 с.
- Богомазов 2001 — Богомазов Г.М. *Современный русский литературный язык: Фонетика*. Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Владос, 2001. 352 с.
- Буланин 1970 — Буланин Л.Л. *Фонетика современного русского языка*. М.: Высшая школа, 1970. 206 с.
- Бондарко 1998 — Бондарко Л.В. *Фонетика современного русского языка*. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1998. 275 с.
- Гард 2015 — Гард П. *Ударение*. [Первое издание: Garde 1968]. СПб.: Филол. фак. С.-Петербург. ун-та, 2015. 199 с.
- Гирдянис 2014 — Гирдянис А. *Теоретические основы литовской фонологии*. 2-е изд., испр. и доп. Вильнюс: Eugrimas, 2014. XVIII + 441 с.
- Гордина 2006 — Гордина М.В. *История фонетических исследований (от античности до возникновение фонологической теории)*. СПб.: Филол. фак. С.-Петербург. ун-та, 2006. 537 с.
- Елисеев 1993 — Елисеев Ю.С. Финский язык. В кн.: *Языки мира: Уральские языки*. М.: Наука, 1993. С. 90–115.
- Исаченко 1963 — Исаченко А.В. Бинарность, привативные оппозиции и грамматические значения. *Вопросы языкознания*. 1963, (2): 39–56.
- Касаткин 2003 — Касаткин Л.Л. *Фонетика современного русского литературного языка*. Учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. 224 с.
- Касевич 1983 — Касевич В.Б. *Фонологические проблемы общего и восточного языкознания*. М.: Наука, 1983. 295 с.
- Касевич 2011 — Касевич В.Б. *Введение в языкознание*. СПб.: Филол. фак. С.-Петербург. ун-та; М.: Академия, 2011. 240 с.
- Касевич 2018 — Касевич В.Б. О фонологическом аналоге списка Гильберта. В кн.: *XLVII Международная филологическая научная конференция*, Санкт-Петербург, СПбГУ, 19–28 марта 2018 г. Направление общего языкознания, секция фонологии. http://genling.spbu.ru/phonology/subsection/2018_Phonology_programme.pdf (<http://conference-spbu.ru/conference/38/reports/8972/> (дата обращения: 25.05.2020)).
- Князев, Пожарицкая 2011 — Князев С.В., Пожарицкая С.К. *Современный русский литературный язык. Фонетика, орфоэпия, графика и орфография*. М.: Гаудеамус; Академический проект, 2011. 430 с.
- Кодзасов, Кривнова 2001 — Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф. *Общая фонетика*. М.: Изд-во РГГУ, 2001. 592 с.
- Ломтев 1972 — Ломтев Т.П. *Фонология современного русского языка на основе теории множеств*. Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. М.: Высшая школа, 1972. 224 с.
- Лопатин, Улуханов 2006 — Лопатин В.В., Улуханов И.С. Русский язык. В кн.: *Языки мира: Славянские языки*. М.: Academia, 2005. С. 444–513.
- Маркус, Гирденис 2011 — Маркус Д., Гирденис А. Фонология дифтонгов [ie] и [uo] в речи латышских и литовских детей. В кн.: *Онтолингвистика — наука XXI века*. Материалы международной конференции, посвященной 20-летию кафедры детской речи РГПУ им. А.И.Герцена. 4–6 мая 2011 г. СПб.: Златоуст, 2011. С. 90–93.
- Панов 1967 — Панов М.В. *Русская фонетика*. М.: Просвещение, 1967. 438 с.
- Попов 2004 — Попов М.Б. *Проблемы синхронической и диахронической фонологии русского языка*. СПб.: Филол. фак. С.-Петербург. ун-та, 2004. 346 с.

- Попов 2014 — Попов М. Б. *Фонетика современного русского языка*. Учеб. для вузов РФ. СПб.: Филол. фак. С.-Петербург. гос. ун-та, 2014. 303 с.
- Сталтмане 2006 — Сталтмане В. Э. Латышский язык. В кн.: *Языки мира: Балтийские языки*. М.: Academia, 2006. С. 155–193.
- Трубецкой 1939/1960 — Трубецкой Н. С. *Основы фонологии*. [Первое издание: Trubetzkoy N. S. *Grundzüge der Phonologie*. Prague, 1939. (Travaux du Cercle linguistique de Prague. 7)]. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. 372 с.
- Щерба 1912 — Щерба Л. В. *Русские гласные в качественном и количественном отношении*. СПб.: Типография Ю. Н. Эрлих, 1912. XII+155 с.
- Щерба, Матусевич 1952 — Щерба Л. В., Матусевич М. И. Фонетика. В кн.: *Грамматика русского языка. Т. I. Фонетика и морфология*. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 47–100.
- Ahero et al. 1959 — Ahero A., Bergman A., Blinkena A. et al. *Mūsdienū latviešu literārās valodas gramatika*. I sēj. Rīga: Latvijas PSR Zinātņu akadēmijas izdevniecība, 1959. 830 lpp.
- Auziņa et al. 2013 — Auziņa I., Breņķe I., Grigorjevs J. et al. *Latviešu valodas gramatika*. Rīga: LU Latviešu valodas institūts, 2013. 1024 lpp.
- Garde 1968 — Garde P. *L'accent*. Paris: Presses Universitaires de France, 1968. 171 p.
- Girdenis 1970/2000 — Girdenis A. Kaip skirstyti lietuvių priebalsius. In: *Eksperimentinės fonetikos ir kalbos psichologijos kollokviumo medžiaga. T. 4: Kalbos garsai ir intonacija*. Vilnius, 1970. P. 8–21. [Переиздание: Girdenis A. *Kalbotyros darbai*. I tomas: 1962–1974. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 2000. P. 194–203.]
- Laua 1997 — Laua A. *Latviešu literārās valodas fonētika*. Rīga: Zvaigzne ABC, 1997. 160 lpp.
- Markus 2000 — Markus D. Latviešu valodas patskaņu fonoloģiskā klasifikācija. *Latvijas Universitātes Zinātniskie raksti*. 624 sējums. Rīga: Latvijas Universitāte, 2000. 135–143 lpp.
- Muižniece 2002 — Muižniece L. *Latviešu valodas praktiskā fonoloģija*. Rīga: Rasa ABC, 2002. 168 lpp.
- Strautiņa, Šulce 2004 — Strautiņa V., Šulce Dz. *Latviešu literārās valodas fonētika, ortoepija un ortogrāfija*. Liepāja: LiePA, 2004. 122 lpp.
- Vilkuna et al. 2004 — Vilkuna M., Korhonen R., Koivisto V. et al. *Iso suomen kielioppi*. Helsinki: SKS, 2004. 1698 s. (Электронная версия: Ison suomen kieliopin verkkoversio (2004–2005). <http://scripta.kotus.fi/visk/etusivu.php> (дата обращения: 25.05.2020)).

Статья поступила в редакцию 28 мая 2020 г.

Статья рекомендована в печать 10 сентября 2020 г.

Aleksey V. Andronov

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
baltistica@gmail.com

Lip spreading, not lip rounding

For citation: Andronov A. V. Lip spreading, not lip rounding. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2020, 17 (4): 543–556. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.403> (In Russian)

The article is devoted to the issue of detecting classificatory features of phonemes. Unlike phonetic characteristics of phoneme realisations, which are explored instrumentally, phonological features should be discovered by means of functional analysis. Due to their role as exponents of meaningful units, phonemes are grouped according to their morphophonological behaviour. Here, detecting phonological features is illustrated by the analysis of the vocalic systems of Russian, Latvian and Finnish. The ‘lip rounding’ feature traditionally used in descriptions of these languages has no functional grounds and should be considered as an incorrect substitution of an articulatory characteristic for a phonological feature. However, apart from ‘height’ and ‘backness’, another feature should be postulated. For this feature the articulatory-based term ‘lip spreading’ is proposed. In Russian, the spread vowels /e/, /i/, /ɨ/ are distinguished due

to their sensibility (primarily in morphophonological alternations) to the correlative feature of softness-hardness of the preceding consonant. Non-spread vowels /a/, /o/, /u/ are indifferent to the softness-hardness of the preceding consonant. Thus, /a/ is grouped not with /e/, /i/, /i/ (as non-rounded in traditional models), but with /o/ and /u/ (no separate group of these two “rounded” phonemes, /o/ and /u/, exists). In Latvian, the spread phonemes /i/, /e/, /i:/, /e:/, /īe/ determine the choice of the closed vowels /e/ and /ē/ (instead of open /æ/ and /æ:/) in the preceding syllable. It is worthwhile to differentiate front vowels (according to lip spreading), not the back ones (according to lip rounding). In Finnish, the distinguishing of spread /i/ and /e/ is based on their relation with the fundamental peculiarity of the exponent of a word form, vowel harmony. These phonemes themselves do not participate in harmony alternation and they determine front vocalism of affixes only when other, non-spread phonemes are lacking.

Keywords: phonological features, vowel systems, Russian, Latvian, Finnish.

References

- Аванесов, Сидоров 1945 — Avanesov R. I., Sidorov V. N. *Essay on the grammar of the Russian literary language. Part I: Phonetics and Morphology*. Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo narkomprosa RSFSR Publ., 1945. 236 p. (In Russian)
- Аванесов 1956 — Avanesov R. I. *Phonetics of the modern Russian literary language*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta Publ., 1956. 240 p. (In Russian)
- Андронов 2002 — Andronov A. V. Grammar sketch of the Latvian language. In: Andronov A. V. *Materialy dlia latyshsko-russkogo slovaria*. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2002. P. 323–402. (In Russian)
- Андронов 2013 — Andronov A. V. On the concept of an integral feature in phonology. In: *Konferentsiia, posviashchennaia 150-letiiu kafedry obshchego iazykoznaviia*. 4–7 sentiabria 2013 goda. Tezisy. Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet. St. Petersburg, 2013. P. 11–13. <http://genling150.phil.spbu.ru/tezisy-konferencii> (accessed: 25.05.2020) (In Russian)
- Белоусов и др. 2002 — Belousov V. N., Kovtunova I. I., Kruchinina I. N. et al. *Brief Russian grammar*. Moscow: Institut russkogo iazyka Publ., 2002. 726 p. (In Russian)
- Беляков и др. 1958 — Belyakov A. A., Bogdanov N. I., Dubrovina Z. M. *The grammar of the Finnish language. Phonetics and morphology*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1958. 296 p. (In Russian)
- Богомазов 2001 — Bogomazov G. M. *Modern Russian literary language: Phonetics*. Moscow: Gumanitarnyi izdatel'skii tsentr VLADOS Publ., 2001. 352 p. (In Russian)
- Бондарко 1998 — Bondarko L. V. *Phonetics of the modern Russian language*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 1998. 275 p. (In Russian)
- Буланин 1970 — Bulanin L. L. *Phonetics of the modern Russian language*. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1970. 206 p. (In Russian)
- Гард 2015 — Garde P. *Stress* [First edition: Garde 1968]. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2015. 199 p. (In Russian)
- Гирдянис 2014 — Girde A. *Theoretical foundations of Lithuanian phonology*. 2nd ed., rev. Vilnius: Eugrimas, 2014. XVIII+441 p. (In Russian)
- Гордина 2006 — Gordina M. V. *The history of phonetic research (from antiquity to the emergence of phonological theory)*. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2006. 537 p. (In Russian)
- Елисеев 1993 — Eliseev Yu. S. Finnish. In: *Iazyki mira: Ural'skie iazyki*. Moscow: Nauka Publ., 1993. P. 90–115. (In Russian)
- Исаченко 1963 — Isachenko A. V. Binarity, privative oppositions and grammatical meanings. *Voprosy iazykoznaviia*. 1963, (2): 39–56. (In Russian)
- Касаткин 2003 — Kasatkin L. L. *Phonetics of the modern Russian literary language*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta Publ., 2003. 224 p.
- Касевич 1983 — Kasevich V. B. *Phonological problems in general and oriental linguistics*. Moscow: Nauka Publ., 1983. 301 p. (In Russian)

- Касевич 2011 — Kasevich V.B. *Introduction to linguistics*. St. Petersburg; Moscow: Akademia Publ., 2011. 240 p. (In Russian)
- Касевич 2018 — Kasevich V.B. About the phonological analogue of the Hilbert list. In: *XLVII Mezhdu-narodnaia filologicheskaia nauchnaia konferentsiia, Sankt-Peterburg, SPbGU, 19–28 marta 2018 g. Napravlenie obshchego iazykoznaniiia, sektsiia fonologii*. http://genling.spbu.ru/phonolog/subsection/2018_Phonology_programme.pdf или <http://conference-spbu.ru/conference/38/reports/8972/> (accessed: 25.05.2020) (In Russian)
- Князев, Пожарицкая 2011 — Kniazev S. V., Pozharitskaia S. K. *Modern Russian literary language. Phonetics, orthoepy, graphics and orthography*. Moscow: Gaudeamus, Akademicheskii Proekt Publ., 2011. 430 p.
- Кодзасов, Кривнова 2001 — Kodzasov S. V., Krivnova O. F. *General phonetics*. Moscow: Izdatel'stvo Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta Publ., 2001. 592 p.
- Ломтев 1972 — Lomtev T. P. *Phonology of the modern Russian language on the basis of set theory*. Moscow: Vysshiaia shkola Publ., 1972. 224 p. (In Russian)
- Лопатин, Улукханов 2006 — Lopatin V. V., Ulukhanov I. S. Russian. In: *Iazyki mira. Slavianskie iazyki*. Moscow: Academia Publ., 2005. P. 444–513. (In Russian)
- Маркус, Гирденис 2011 — Markus D., Girdenis A. Phonology of diphthongs [ie] and [uo] in the speech of Latvian and Lithuanian children. In: *Ontolingvistika — nauka XXI veka. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi 20-letiiu kafedry detskoi rechi RGPU im. A. I. Gertsena, 4–6 maia 2011 g.* St. Petersburg: Zlatoust, 2011. P. 90–93. (In Russian)
- Панов 1967 — Panov M. V. *Russian phonetics*. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1967. 438 p. (In Russian)
- Попов 2004 — Попов М. В. *Problems of synchronic and diachronic phonology of the Russian language*. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2004. 346 p. (In Russian)
- Попов 2014 — Попов М. В. *Phonetics of the modern Russian language*. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2014. 303 p. (In Russian)
- Сталтмане 2006 — Staltmane V. E. Latvian. In: *Iazyki mira: Baltiiskie iazyki*. Moscow: Academia Publ., 2006. P. 155–193. (In Russian)
- Трубецкой 1939/1960 — Trubetzkoy N. S. *Fundamentals of Phonology*. [First edition: Trubetzkoy N. S. Grundzüge der Phonologie. Prague, 1939. (Travaux du Cercle linguistique de Prague. 7)] Moscow: Izdatel'stvo inostranoi literatury Publ., 1960. 372 p. (In Russian)
- Щерба 1912 — Shcherba L. V. *Russian vowels in qualitative and quantitative terms*. St. Petersburg, 1912. XII+155 p. (In Russian)
- Щерба, Матусевич 1952 — Shcherba L. V., Matusевич M. I. Phonetics. In: *Russian grammar. Vol. I. Phonetics and morphology*. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1952. P. 47–100. (In Russian)
- Ahero et al. 1959 — Ahero A., Bergmane A., Blinkena A. et al. *Mūsdienū latviešu literārās valodas gramatika*. I sēj. Rīga: Latvijas PSR Zinātņu akadēmijas izdevniecība, 1959. 830, [2] p.
- Auziņa et al. 2013 — Auziņa I., Brenķe I., Grigorjevs J. et al. *Latviešu valodas gramatika*. Rīga: LU Latviešu valodas institūts, 2013. 1024 p.
- Garde 1968 — Garde P. *L'accent*. Paris: Presses Universitaires de France, 1968. 171 p.
- Girdenis 1970/2000 — Girdenis A. Kaip skirstyti lietuvių priebalsius. In: *Eksperimentinės fonetikos ir kalbos psichologijos keliokviumo medžiaga. T. 4: Kalbos garsai ir intonacija*. [Republished in: Girdenis A. *Kalbotyros darbai*. I tomas: 1962–1974. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 2000. P. 194–203.] Vilnius, 1970. P. 8–21.
- Laua 1997 — Laua A. *Latviešu literārās valodas fonētika*. Rīga: Zvaigzne ABC, 1997. 160 p.
- Markus 2000 — Markus D. Latviešu valodas patskaņu fonoloģiskā klasifikācija. *Latvijas Universitātes Zinātniskie raksti*. 624. sējums. Rīga: Latvijas Universitāte, 2000. P. 135–143.
- Muižniece 2002 — Muižniece L. *Latviešu valodas praktiskā fonoloģija*. Rīga: Rasa ABC, 2002. 168 p.
- Strautiņa, Šulce 2004 — Strautiņa V., Šulce Dz. *Latviešu literārās valodas fonētika, ortoepija un ortogrāfija*. Liepājā: LiePA, 2004. 122 p.
- Vilkuna et al. 2004 — Vilkuna M., Korhonen R., Koivisto V. et al. *Iso suomen kielioppi*. Helsinki: SKS, 2004. 1698 p. (electronic version: Ison suomen kieliopin verkkoversio (2004–2005). <http://scripta.kotus.fi/visk/etusivu.php> (accessed: 25.05.2020)).

Received: May 28, 2020

Accepted: September 10, 2020